

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 133-145

DOI: 10.13187/rs.2018.2.133
www.ejournal15.com

The History of Russia of XVIII –XIX centuries

Ottoman Army's Strength and Organization at the at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774

Vladimir S. Velikanov^{a, *}

^a “Russkie Vytiazy” Foundation, Russian Federation

Abstract

The Russo-Turkish war of 1768–1774 still has a lot of poor explored topics. One of them is the Turkish army. The majority of the documents gives estimate number of the Turkish troop and doesn't provide any details on its real strength and composition. The article is based on Russian, Turkish and European materials, and gives an attempt to examine the strength and organization of the Turkish army at the beginning of the Russo-Turkish war of 1768–1769. It shows that the role of the classic Turkish troops (like yeniceri and sipahi) had significantly decreased, and they were replaced by numerous mercenary troops like levendi.

Keywords: Russo-Turkish war (1768–1774), Ottoman army, Turkish army.

1. Введение

XVIII в. в целом, и особенно вторая его половина – период стремительного заката могущества Турецкой (Османской) империи и кризиса ее традиционной военной организации. На этом фоне в 1768 г. началась очередная Русско-турецкая война, ознаменовавшаяся рядом побед русской армии – при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле и др. Исследования и источники, посвященные данному конфликту, начиная с официальных документов российской стороны, упоминают о многотысячных турецких армиях, но почти ничего не говорят об их составе. В связи с этим, по нашему мнению, назрела необходимость обобщить и проанализировать имеющиеся данные об организации и структуре османской армии во время кампании 1769 г. Особую актуальность проблеме придает отсутствие в России каких-либо специализированных исследований на эту тему.

2. Материалы и методы

Одним из наиболее ценных источников по организации и численности турецкой армии в начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. являются записки Мустафы Кесби, бывшего в те годы секретарем главного султанского казначея Сарым Ибрахим-паши. Впервые они были опубликованы в оригинале на старотурецком языке в 1881 г. (Смирнов, 1881), а в 2002 г. под редакцией А. Огретена записки были изданы в адаптированном

* Corresponding author

E-mail addresses: vladvelikanov@inbox.ru (V.S. Velikanov)

варианте на современном турецком языке (Kesbi, 2002). Описания турецких вооруженных сил встречаются также в работах ряда иностранцев, побывавших в Турции или писавших о ней: Портера (Porter, 1768), дю Вернуа (Vernois, 1785), де Тотта (Tott, 1785), Мураджа д'Оссона (D'Ohsson, 1824) и др. Также необходимо отметить мемуары российского поверенного при султанском дворе Павла Артемьевича Левашова, находившегося в кампанию 1769 г. под арестом при ставке верховного визиря, и оставившего подробное описание состояния турецкой армии (Левашев, 1790). Из современных исследований следует указать работы Вирджинии Аксан, посвященные анализу состояния и развития турецких вооруженных сил в XVIII в.

3. Обсуждение и результаты

Организация турецкой армии к 1760-м гг. в целом оставалась неизменной по сравнению с XVII в. (Великанов, Нечитайлов, 2010), однако в ней произошел ряд изменений, наиболее значительные из которых были связаны с увеличившейся ролью наемных формирований. По источникам финансирования и особенностям формирования и несения службы вооруженные силы Османского государства состояли из нескольких основных компонентов: постоянные войска *капыкулу*, конная военно-ленная милиция *сипахи*, провинциальные войска, наемные формирования военного времени *левенды*, отряды вассалов и волонтеры. Ополчения тюркских племен, бывшие некогда существенной частью османской армии, к 1760-м гг. уже утратили свое прежнее значение, и больше не упоминаются в составе действующих войск. *Капыкулу* финансировались за счет центрального бюджета, снабжались от казны и включали в себя пехоту – *янычар*, конницу – *капыкулу сюварилери* и специальные части. К *капыкулу* также можно отнести дворцовую стражу *бостанджи*. Первоначально созданные как особая категория дворцовых слуг для обслуживания султанского дворца и сада, к середине XVIII в. *бостанджи* приобрели статус личной стражи султанов. Подобная трансформация была связана с потерей янычарами в результате целого ряда мятежей доверия со стороны султанов.

Традиционно одним из основных элементов османской армии были знаменитые *янычары*. Однако к середине XVIII в. янычарский корпус уже во многом утратил свою былую боеспособность, фактически превратившись в ремесленно-торговую корпорацию. Первоначально янычары комплектовались исключительно детьми из покоренных христианских районов (так называемый налог *девширме*), которые таким образом проходили османизацию, однако со времен Мурада III в корпус принимались подданные всякого сословия и происхождения. Янычары делились на несколько категорий: строевых (*эшкнджи*), ветеранов (*коруджи*), отставников (*мютекаиды* или *отураки*) и сверхштатных (*таслакджи*), ожидавших возможности занять вакантное место в реестре среди *эшкнджи*. Последние две категории не несли службы и не получали жалования, но пользовались правами и привилегиями янычар. Множество турок всех сословий (горожан, цирюльников, ремесленников, мелких торговцев и т.д.) формально записывались в сверхштатные *таслакджи*, либо сразу получали статус отставных *отураки*. В результате, многие современники, описывая Турцию в середине – второй половине XVIII в., отмечали, что едва ли не половина мусульманского населения была записана в янычары.

В различных источниках фигурируют противоречивые данные о структуре и организации янычарского корпуса, что связано с его сложной историей. По нашим данным, в 1760-х гг. янычарский корпус организационно состоял из 161 строевого подразделения *орта* (или *ода*), 100 *джемаат* и 61 *бёлюк*. Еще по 34 *орта* выставляли сеймены и аджеми-огланы (D'Ohsson, 1824: 312–347, 393; Ungermann, 1906: 15; Vernois, 1785: 91–94). По свидетельству Д. Портера, к 1768 г. номерные *орта* столичных янычар имели по штату в каждой от 800 до 1000 чел., но фактически их численность всегда была меньше, еле-еле дотягивая до 200–300 чел. (Porter, 1768: 172–173). Янычарские *орта* сохранили прежнюю устаревшую средневековую организацию и не имели какой-либо четкой внутренней структуры. Командный состав насчитывал всего пять офицеров: *яя-баши* или *чорваджи-баши* – командир *орта* (командиры некоторых *орта* имели свои специфические названия, что связано с историей возникновения и трансформации различных султанских служб и категорий дворцовых слуг и охраны); *ода-баши* – помощник командира; *векил-хардж*, или *килер-хардж* – интендант; *байракдар* – прапорщик или знаменосец; *баш-эски* – начальник

ветеранов и заместитель знаменосца. Кроме этого, в каждой *орта* имелось несколько нестроевых чинов: *уста*, или *ашджи* – повар; *баш-кара-куллукджи* – главный поваренок; *сака* – водонос; *кара-куллукджи* – младший поваренок. Этот штат всегда оставался неизменным, даже в военное время. Только 1-я и 5-я орта бёлюков имели еще одного унтер-офицера – *зембилджи* (по званию следовал сразу за водоносом). Списочная численность корпуса в 1750 г. составляла 81 300 чел. строевых янычар, из которых 50 000 постоянно находились в Стамбуле (Weissman, 1964: 32), но в записках Мустафы Кесби указывается, что жалование в 1760 г. получали всего 20 380 янычар (Kesbi, 2002: 457). Большая часть из них находилась в Стамбуле, другие несли службу в многочисленных гарнизонах по всей империи.

Однообразного вооружения и снаряжения янычары не имели и с середины XVII в. фактически приобретали его самостоятельно за свой счет. В описываемый период большинство из них были вооружены кремневыми мушкетами, лишь несколько *орта* сохраняли как дань традициям луки и арбалеты. Из холодного оружия имелись ятаганы; штыки и байонеты не использовались. Обучение янычар сводилось к базовому владению огнестрельным и холодным оружием, строевые и тактические занятия не проводились. Линейный строй, т.е. организованные передвижения и ведения боя в линейных порядках, турками не применялся. В бою янычары, как правило, занимали оборонительные позиции за какими-либо укреплениями (ров, вагенбург и т.п.) и вели огонь (глубина строя составляла 9–12 шеренг) по приближавшемуся противнику. В атаке янычары двигались глубокой колонной, близкой по форме к вытянутой трапеции, порядок и равнение внутри строя строго не соблюдались. Общий уровень подготовки и боеспособность янычар в рассматриваемый период большинством современников оценивались невысоко.

Общая численность конницы *капыкулу* (*капыкулу сьоварилери*) составляла в 1760 г., по данным Мустафы Кесби, около 12,5 тыс. чел. Существовавшие ранее отдельные корпуса *сипахов* и *силяхдаров* были, видимо, объединены в один корпус *силяхдаров*, насчитывавший 11 979 чел. Прочие корпуса султанской охраны (так называемые «четыре бёлюка») к середине XVIII в. уже практически утратили свое боевое значение, превратившись в небольшие парадно-церемониальные подразделения. Формировавшиеся из представителей тюркских племен отряды *улуфеджи* первоначально предназначались для охраны султанской казны. В 1760 г. они насчитывали 118 (так называемые «правые улуфеджи», т.е. стоявшие справа от султана, *улуфеджиян-и йемин*, имевшие красно-белые знамена) и 139 чел. («левые улуфеджи», *улуфеджиян-и йесар*, желто-белые знамена) соответственно. Из нетюркских мусульманских народов формировались отряды *гарибов* («чужаков»), в чьи первоначальные обязанности входила охрана знамени Пророка в походе: 166 «правых гарибов» (*гареба-и йемин*, имевшие зеленые знамена) и 119 «левых» (*гареба-и йесар*, белые знамена) (D’Ohsson, 1824: 364–368; Porter, 1768: 174; Vernois, 1785: 102–103; Kesbi, 2002: 457). Их вооружение к 1760-м гг. все еще состояло из копья, лука, сабли и булавы, огнестрельное оружие так и не получило широкого распространения. Из защитного вооружения обязательными были шлем, щит и кольчуга.

Специальные (технические) части *капыкулу* состояли из пяти корпусов, сочетавших в себе черты производственной корпорации (цеха) и воинского (строевого) подразделения, отвечая одновременно и за изготовление, и за применение различных типов вооружения и снаряжения: *топчу*, *джебеджи*, *топ арабаджилары*, *хумбараджи* и *лягымджи* (D’Ohsson, 1824: 362–364, 369; Porter, 1768: 175; Vernois, 1785: 95–98). *Топчу* – артиллеристы – занимались как отливкой и хранением орудий и боеприпасов, так и их боевым применением. Соответственно корпус делился на тех, кто отвечал за отливку орудий, и на канониров. *Джебеджи* – оружейники – отвечали за производство и хранение оружия и боеприпасов (кроме артиллерии). Первоначально они обслуживали только янычарский корпус, но в XVIII в. под их присмотром находились общевойсковые запасы пороха, свинца, вооружения и снаряжения. *Топ арабаджилары* – перевозчики орудий, отвечавшие за изготовление повозок и лафетов для перевозки орудий и припасов, уход за животными для их перевозки и собственно саму транспортировку в походе. *Хумбараджи* – «гренадеры» или бомбардиры. В 1730–1740-х гг. османское правительство предприняло попытку реорганизации данного корпуса. Под руководством француза Александра Клода Бонневалья, принявшего ислам под именем Ахмед-паши и получившего звание *хумбараджи-баши* (т.е.

начальника корпуса *хумбараджи*), в 1734 г. на азиатском берегу Босфора были построены казармы и набраны три роты (300 чел.) турок и боснийцев. Бонневаль вместе с еще несколькими ренегатами-европейцами обучал набранных *хумбараджи* европейским строевым и ружейным приемам и стрельбе из мортир. Данные занятия имели успех у султана и османского руководства, однако по внутривойсковым причинам Бонневаль был вынужден в 1735 г. покинуть Стамбул. В его отсутствие школа пришла в упадок, а большинство набранных *хумбараджи* погибли в войне 1736–1739 гг. В итоге к 1747 г. корпус *хумбараджи* в том виде, в каком его создал Бонневаль, под давлением янычар был упразднен, вернувшись к прежней цеховой структуре (Levy, 1982: 232–233).

Лягымджи – инженеры или саперы, в их обязанности входили осадные работы и рытье подземных ходов. По оценочным данным Портера, в 1768 г. численность *топчу* составляла 2 тыс. чел., *джебеджи* – 4 тыс. чел., *топ арабаджи* – 3 тыс., у д’Оссона – 5 тыс. артиллеристов и 7,5 тыс. оружейников. В 1769 г., по данным реестров, в Стамбуле (без учета провинциальных гарнизонов) насчитывалось 1351 *топчу*, 180 *топ арабаджи* и 3691 *джебеджи* (Agoston, 2005: 30). Данных о численности *хумбараджи* и *лягымджи* не найдено, видимо, они не имели устойчивой организации и численности. Для сравнения, в 1738–1739 гг. *топчу*, *топ арабаджи* и *джебеджи* насчитывали по спискам 19 430 чел. Корпуса *топчу*, *топ арабаджи* и *джебеджи* состояли из *орта* и *белюков*. В частности, их упоминает П.А. Левашев (без указания количества *орт* и численности) при описании выступления армии великого визиря из Стамбула, однако информации об их организации в указанный период не найдено. Кроме этого, в частях *капыкулу* имелись собственные службы палаточников, музыкантов и *сакка*-водоносов (фактически, они были распределены по *орта* и подчинялись их начальникам).

Материальная часть османской артиллерии, по меркам XVIII в., считалась устаревшей. Большинство орудий были железными и крупных калибров, что отрицательно сказывалось на их мобильности («тяжелые [орудия] большею частью на буйволах и волах возит» (Масловский, 1891: Приложения, 40)) и скорострельности. При этом передков в османской артиллерии не употреблялось, и вся упряжь была веревочной. В бою османская артиллерия занимала стационарную батарейную позицию у лагеря, и больше уже не маневрировала. По словам того же Панина, «как лафеты под ними с такою неудобностью, так и канонеры их с таким неискусством, что совсем не имеют способу орудия свои скоро не только по неприятелю нацеливать, ниже из стороны в сторону обращать, отчего пушки их... стреляя большею частью все по тому одному месту, по коему сперва начинают, очень мало, или так сказать, почти и ничего неприятелю вреда не делают» (Масловский, 1891: Приложения, 40). Один из историков русско-турецких войн отмечал, что «неприятельские орудия стреляли далеко, но именно для приобретения этой дальности, было пожертвовано другим главным для полевого орудия – его легкостью» (Петров, 1866: 257).

Другим существенным компонентом турецкой армии традиционно являлась конная военно-ленивая милиция *сипахи*, получавшие от государства земельные владения (лены), за счет доходов от которых они обязаны были нести службу в конном строю в полном вооружении. Данный статус преимущественно передавался по наследству, однако право на доходы с лена *сипахи* получал только при условии личной службы. В зависимости от размеров, лены назывались *тимары* (годовой доход до 20 тыс. акче) или *зеамет* (доход от 20 до 100 тыс. акче). Более крупные владения, *хасс*, давались только крупным должностным лицам, например, беям (губернаторам) санджаков (провинций). Кроме личной службы, владелец *тимара* или *зеамета* должен был выставлять дополнительно в поход по одному снаряженному и вооруженному всаднику *джебелю* с каждых 3000 (для *зеамета* и *хасса* – с 5000) акче дохода, т.е. в среднем три *джебелю* с *тимара* и десять – с *зеамета*. Уже к концу XVII в. из-за «революции цен» и социально-экономических процессов внутри Османского государства данная система пришла в упадок, и многие *сипахи* уже были не в состоянии за счет доходов со своих поместий закупать оружие и нести длительную службу.

Русский посол в Стамбуле А.М. Обресков отмечал в 1756 г., что большинство *джебелю* уже не имели какого-либо боевого значения и при выступлении в поход должны были иметь при себе «кирки, лопатки и лукошки для рытья и носки земли, потому что они не токмо при осадах траншеи, батареи и прочие земляные работы делают, но и дороги расчищают» (Мейер, 1991: 21–22). Ресми-эфенди также очень критично оценивал их боеспособность:

«Они высылают в поход только стариков, чтобы сохранить тимар, жалованье и рационы. На сто человек приходилось 2000 слуг и животных, которые только обременяли казну» (Aksan, 1995: 136). Тем не менее, формально в списках числилось около 55 тыс. *сипахов*, что в военное время с учетом их вооруженных слуг (*джебелю*) должно было составить не менее 135 тыс. чел. (Новичев, 1963: 222). Организационно *сипахи* из одной провинции сводились в тысячи (под командой *алай-бея*), состоявшие из *белюков* или *байраков* (буквально «знамя», близко русскому значению «сотня») различной численности (от 50 до 200 чел.). Какого-либо стандартного комплекса вооружения *сипахи* не имели и приобретали оружие и снаряжение за свой счет. Как правило, они были вооружены пиками и саблями, также встречаются указания на наличие щитов и пистолетов. Частые упоминания об их участии в различных сражениях войны 1768–1774 гг. (например, *алай-беи* упомянуты в числе пленных, взятых в ходе преследования от Кагула к Дунаю при Картале 23 июля 1770 г., и при штурме Бендер 16 сентября), позволяют сделать вывод, что, несмотря на общий кризис тимарной системы, *сипахи* продолжали участвовать в боевых действиях, хотя их численность была весьма невелика.

Кроме *сипахов*, в большинстве турецких провинций имелись свои местные вооруженные формирования, носившие общее название *йерли кулу* («местные рабы»), содержавшиеся за счет провинциальных доходов и подчиненные местному губернатору. Данные войска первоначально выполняли гарнизонные и пограничные функции на территории своих провинций, но уже с конца XVII в. их все чаще и чаще привлекали для участия в походах за пределами своего региона. Как правило, они состояли из конных и пеших *белюков* или *байраков* (байрак – «знамя», т.е. отдельный отряд со своим знаменем) численностью по 50–200 чел., и имели различные специфические названия: *азапы* (обычно гарнизонные части из этнических турок), *мухафазасины* (легкая кавалерия из христиан в Молдавии и Валахии), *секбаны* (драгуны) и другие, а также провинциальные янычары и топчу.

В XVIII в. все большее значение в турецкой армии приобретали наемные отряды левендов (*левенды*), вербовавшиеся за деньги из добровольцев на определенный срок (обычно полгода). Правила их набора напоминали принятые в Западной Европе нормы: будущим командирам отрядов (местные магнаты *аяны*, судьи *кади* и вице-губернаторы *мутасаррифы*) выдавались фирманы (процедура называлась «одевание кафтанов»), в которых фиксировалось обязательство набрать к указанному сроку на конкретных условиях оговоренное число солдат. *Левенды* могли быть как конными, так и пешими, и делились на набиравшихся центральными властями (*мири*) и на провинциальных (*капылы* или *капы халкы*). Также иногда отряды левендов имели специфические названия, например, *тюфекчи* (стрелки), или *секбаны*, и *сеймены* (посаженные на коней стрелки, аналог европейских драгун). Наемников, набранных в Албании, традиционно называли *арнаутами*, а в сербских районах – *войниками*. *Капылы левенды* набирались в провинциях местными властями, а центральные власти затем компенсировали им расходы на их наем и содержание за счет специального временного налога *имдад-и серифе*.

При этом условия набора и нормы финансирования и для *мири*, и для *капылы левенды* были одинаковыми. При мобилизации в провинции рассылались султанские указы о сборе, содержавшие сведения о необходимом количестве солдат, размере вознаграждения за поступление на службу (*бакшиш*), ежемесячном жалованье (*улуфе*), которое выплачивалось в течение шести месяцев, 10 % комиссии для офицеров (*ондальк*) и расчете ежедневных рационов. Кроме этого, в указах оговаривался дополнительный двухмесячный срок службы, во время которого происходили сбор и роспуск войск и их следование в район сосредоточения полевой армии. В каждом санджаке ответственным за набор войск был *мутасарриф*, который часто одновременно являлся и командиром местного отряда левендов.

Набранные левенды сводились в *белюки* или *байраки* по 50 чел. под командой *белюк-баши*. Командир самостоятельного отряда в 10 *байраков* (500 чел.) имел чин *беш-юз-баши*, в 20 и больше – *бин-баши*. Заместитель командира отряда именовался *юз-баши* (аналог майора). П.А. Левашев писал, что такие отряды «позволено всякому набирать, кто только богат и по ревности к своему закону и отечеству оные собрать и с ними на войну идти пожелает, хотя бы и был разбойником... Баяраки имели право отворять все тюрьмы и из

оных вынимать кого заблагорассудят... Будучи же обыкновенно вооружены от головы до ног всяким военным оружием, как-то саблями, кинжалами, ружьями, ятаганами и сверх того большими и малыми пистолетами, не считая копей, щитов и железных поручней» (Левашев, 1790: 140–141). Особенности финансирования (наличие разового вознаграждения при поступлении на службу, комиссия для офицеров при вербовке и слабый учет личного состава) часто приводили к тому, что фактическая численность набранных отрядов *левендов* была значительно меньше списочной из-за множества «мертвых душ».

Еще одной характерной чертой турецкой военной организации было наличие различных волонтерских формирований из религиозных фанатиков, рассматривавших любую войну с христианами как *джихад*. Они всегда были частью османской армии, но в XVIII в. роль религии в османском обществе существенно выросла. Если первые султаны строили централизованное абсолютистское государство и жестко ограничивали влияние улемов на государственные и судебные дела, то по мере снижения их могущества и роста социально-экономических проблем, роль ислама возрастала. В частности, в судебной сфере это привело к середине XVIII в. к постепенному замещению норм и законов, изданных султанами (*канун-наме*), на положения шариата. В военной сфере это стало причиной появления многочисленных религиозных волонтеров, известных под общим названием *дели*.

Граф П.И. Панин в своем «Наставлении... на предводительство в наступательные действия против войска турецкого» (1770) подчеркивал градус неприязни между носителями двух религий, опираясь на то, что армия противника состоит «из весьма озлобленных и поощренных ненавистью людей, не только на все христианство, но и на самого Христа Спасителя нашего, желая всегда не одну веру и церкви наши, но и святое имя сего Искупителя своею нас кровью – совсем истребить». Панин напоминал подчиненным, что «варварский неприятель» «никакой пощады оному не делает, но умерщвляет всякого ради приобретения за каждую христианскую голову как производимой от их начальников денежной платы, так обещанного от магометанского закона им за убийство христиан раю» (Масловский, 1891: Приложения, 37, 44).

Одним из специфических видов турецкой пехоты в указанный период были *далкаличчи* – «обнажающие мечи», добровольцы из фанатичных мусульман, рассматривавших войну с Россией как *джихад* и давших обет умереть или победить, сражаясь одним только холодным оружием. Атаки с одними саблями под пение сур из Корана производили такое впечатление на русских, что были отдельно отмечены в реляциях и отчетах П.Н. Румянцева, Г.А. Потемкина и А.В. Суворова. Другой категорией добровольцев были *серденгечты* (буквально «безголовые»), которые набирались среди *капыкулу* (в первую очередь янычар) и волонтеров, давших обет не отступать. Подразделения *серденгечты* использовались в качестве ударных или штурмовых частей, и служившие в них получали повышенное жалование. Д'Оссон упоминает, что *серденгечты* сводились в байраки по 120 человек (D'Ohsson, 1824: 383). Также к турецкой армии присоединялись добровольцы *гонолю*, участвовавшие в походах со своим вооружением и снаряжением и получавшие вместо жалованья освобождение от налогов и военную добычу.

Война между Россией и Турцией была объявлена 25 сентября (6 октября) 1768 г., но широкомасштабные боевые действия начались лишь в следующем году. Ни одна из сторон не была готова к войне, но, в отличие от России, турки не смогли полноценно использовать имевшиеся у них полгода. Дело в том, что при мобилизации войск турецкие власти столкнулись с серьезными проблемами, т.к. вся армейская организационная и финансовая документация находилась в большом беспорядке. Мустафа Кесби в своих записках упоминает, что для составления сводной ведомости войск и необходимых расходов на их сбор и снабжение ему пришлось использовать данные 1695–1696, 1711 и 1716 гг., т.к. более поздних росписей не нашлось. На основании этих древних материалов определялись нормы мобилизации войск, их обеспечения провиантом и финансирования.

Другой отличительной чертой османской мобилизации стал завершавшийся в те годы переход от относительно профессиональной военной системы XVI–XVII вв., основанной на постоянных войсках *капыкулу* и милиции *сипахи*, к вербованной армии, набиравшейся только на время войны. Однако эту армию пришлось заново набирать для войны из людей, зачастую не имевших никакого военного опыта. Даже янычарские части с началом войны

активно разбавлялись новобранцами. Данное обстоятельство, вместе с плачевным состоянием финансовой системы Порты (нормой стали дефицит бюджета, скачки цен и насильственные займы правительства у подданных, а применительно к армии – проблемы с денежными и продовольственным снабжением), имело и другие неизбежные последствия – резкое падение уровня качества подготовки войск и военной дисциплины (Aksan, 2007: 134). Это не ускользнуло от внимания российской стороны: «Впрочем же число турецкого воинства умножается и главнее составляется из того сброду, который, по объявлении войны, всякий год пред самым выступлением уже в кампанию сзывается не токмо рядовыми и офицерами, но и самыми полководцами из всякого рода состояния и разных промыслов людей, неимеющих до такого своего вызову никакой науки ни практики в военном ремесле, а только стекаются частью по недостатку других обыкновенных промыслов себе пропитания, частью ж, по азиатическим к разбойничеству склонностям, имея жадность, прельщающую их, во время войны добычами себя обогащать» (Масловский, 1891: Приложения, 37).

Тем не менее, несмотря на все сложности, турки в кампанию 1769 г. планировали выставить две полевые армии. Главная армия под командованием великого визиря Мехмед Эмин-паши должна была наступать на Днестре и в Молдавии, а вторая, состоявшая из крымских татар и переброшенных в Крым турецких войск, – действовать на левом берегу Днепра, угрожая русским границам.

Значительную роль в предстоящей войне должны были сыграть провинциальные воинские контингенты из приграничных с Россией регионов и войска вассального Крымского ханства. К началу войны списочная численность гарнизонных войск в приграничных районах составляла около 35 тыс. чел.: 14 200 в Очакове, 17 560 в Хотине и 3100 в Бендерах (Aksan, 2002: 68–70; Aksan, 2012: 335). Их основу составляли присланные из Стамбула на годовалую службу янычары (например, в Хотине насчитывалось 26 *орта*), пополнявшиеся новобранцами-*ямаками*, и постоянные вербованные подразделения *азанов*. С началом войны в гарнизоны стали поступать и отряды *левендов*. Кроме того, имелось 3000 легких кавалеристов из местного христианского населения, так называемые *мухафазасины* (Воğдан muhafazasına). Численность Аккерманской (Буджакской) ногайской орды, бывшей в султанском подданстве и подчиненной сераскиру Бендер, упоминавшийся Мустафа Кесби оценивал в 17 тыс. чел. Из них 2 тыс. ногаев находились на постоянной службе, а 15 тыс. были племенным ополчением, которое должны были мобилизовать с началом военных действий.

Крымские татары, согласно этому же источнику, насчитывали 26 тыс. чел., включая 2 тыс. постоянной ханской гвардии, состоявшей из вербованных *сейменов*, вооруженных огнестрельным оружием. Остальные 24 тыс. чел. – это конное ополчение пяти крымских орд (родов): Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак и Седжеут, а также отряды черкесских и кабардинских князей. Француз барон де Тотт, участвовавший в походе крымской армии в Новую Сербию зимой 1768–1769 гг., упоминает, что ханская гвардия состояла из 40 отрядов (*бейлюков*) по 40 чел., не считая находившихся на ханской службе казаков-некрасовцев (Сень, 2002: 102; Tott. 1785: 180–181). Также в Крыму постоянно находилось около 1,5–2 тыс. турецких янычар, составлявших гарнизоны Ор-Капу (Перекопа), Работа (Арбата), Кафы (Феодосии) и Ени-кале (Керчь). В начале 1769 г. в Крым были дополнительно переброшены несколько *орта* янычар и *сипахи* из Трабзона, Эрзурума и Египта (в осеннем походе 1769 г. калги-султана Шабхаз-Гирея приняли участие 55 *байраков*), командование над которыми принял оруженосец (силяхдар) султана беглербей Эрзурума Ибрагим-паша (Неджати-эфенди, 1894: 125). Таким образом, общая численность ханских и султанских войск в Крыму в 1769 г., по турецким источникам, не превышала 35–40 тыс. чел. При этом боеспособность татарского ополчения оценивалась и турками, и русскими невысоко (наверное, единственный, кто в своих мемуарах написал практически панегирик крымским татарам – это барон де Тотт). П.И. Панин, характеризуя армию крымского хана, писал, что «большая часть не имеют ни огненного, ниже и других настояще исправных к ручному сильному поражению орудий; а главная его часть употребляет стрелы, кои и в лучшем своем состоянии против огненного вооружения недостойны страха, а в зимнее холодное время столь уже слабы, что разве только на самом приближении несколько ранить могут; копыя ж у него большую частью без железа, но заостренные и обоженные» (Панин, 1769: 1). Необходимо также отметить, что в большинстве работ приводятся более высокие оценки

численности ханских войск. Упомянувшийся нами барон де Тотт оценивал общую численность армии крымского хана в фантастические 200 тыс. чел. Согласно показаниям служителя хана, которые нам также представляются значительно завышенными, армия хана в январе 1769 г. насчитывала до 73 тыс. чел.: 40 тыс. татар, 3030 арнаутов (видимо, имелись в виду вербованные части ханской гвардии), 3 тыс. казаков-некрасовцев, 20 тыс. янычар («при которых было 30 знамен», т.е., видимо, подразумевались *орта*) и 7 тыс. «спагов» (т.е. турецких *сипахи*) (Петров, 1866: 129–130).

Кроме турецких гарнизонов и армии крымского хана, в предстоящей войне с Россией активное участие должны были принять и воинские контингенты, набранные в Молдавии и Валахии. Из местного христианского населения планировалось вербовать 12 тыс. *левендов*: килийский паша Мирлива Али-бей и Фераштелизаде Мехмед-паша получили фирманы на вербовку по 1 тыс. чел., Кахраман-паша – по 6 тыс. чел. Еще 3 тыс. чел. должны были выставить молдавские воеводы, около 1 тыс. чел. – ополчение свободных арендаторов государственных земель. Из мусульман планировалось набрать 9,3 тыс. чел.: фирман на вербовку 5,1 тыс. чел. был дан Абаза-паше (фактически отрядом командовал Хазинедары Фейзулла-паша), 1,1 тыс. чел. – Хан Арслан-оглу Хасан-паше и Аданали Чопур-оглу, 1 тыс. чел. – Кады-паше и Тарсуси Тор-оглу (Kesbi, 2002: 250–251). Таким образом, всего в кампании 1769 г. должны были принять участие около 102–105 тыс. чел. местных формирований.

Точный состав и численность армии великого визиря Мехмед Эмин-паши, выступившей в апреле 1769 г. к российской границе, в опубликованных турецких документах отсутствуют, но мы можем установить их на основе анализа ее отдельных компонентов. Во-первых, вместе с визирем в поход выступили 90 *орта* янычар. П.А. Левашев, описывая их выступление из Стамбула, указывает, что из них «самые многолюднейшие не более имели 150 человек, другие же по 100, а некоторые только по 70 и по 60. Наперед ехали водовозы, коих число состояло из 90 человек, одетых в кожаное платье, увешанное колокольчиками. За ними шли помянутые орты одна за другою, имея каждая пред собою свое знамя, за коим ехали чорбаджи или капитаны с прочими чиновниками в новых наградных кафтанах, розданных им за несколько часов пред выходом по повелению султанскому» (Левашев, 1790: 38–39). Общую численность выступивших в поход янычар Левашев оценивал в 10–12 тыс. чел., дю Вернуа – в 15 тыс. чел. (Vernois, 1785: 170). Согласно же турецким источникам, смотр армии визиря в апреле 1769 г. показал 10 тыс. янычар, и аналогичную цифру приводит хронист Садулла Энвери-эфенди (Aksan, 1993: 228; Hummer, 1839: 218). По мере движения армии к Днепру численность *орта* увеличивалась за счет прибытия «отпускников» и активной вербовки янычар-новобранцев (*ямаки*, или *серденгечты*). П.А. Левашев упоминает, что, в апреле «прошли местечко Карнабаде, в коем почти целая половина жителей были янычары нашей 6 орты (члены российского посольства содержались под стражей в данной *орта*. – В.В.), в которую немалое число новых [янычар] и прибыло» (Левашев, 1790: 54). В дальнейшем, упоминая о численности турецких отрядов летом-осенью 1769 г., Левашев оценивает среднюю численность *орта* в 500–800 чел. Ресми-эфенди считал, что из штатной тысячи человек фактически в *орта* имелось не более 400–500 чел., и это было поводом для значительных финансовых злоупотреблений: «у каждого янычарского тысячника, по именным спискам, числится тысяча человек солдат, и он крепко держится привычки ежемесячно получать из казны жалованье на полное число людей, тогда как с ним не пришло и половины этого. Но положим, что “тысяча” значит ровно “пять сот”. Спустя сорок дней, из этих пяти сот непременно разбредутся четыреста, под предлогом отыскивания пищи. При тысячнике подчиненных и служителей всего налицо человек сто, не более, – а между тем, бездельник, требует выдачи жалованья на целую тысячу» (Ресми-эфенди, 1854: 15). Таким образом, общую численность янычар в кампании 1769 г. мы можем оценить приблизительно в 50 тыс. чел. Отметим, что при этом любые попытки навести порядок в их численности и финансировании сразу же приводили к бунтам.

Вместе с янычарами в поход с главной армией в кампанию 1769 г. также выступила и кавалерия *капыкулу*, но, как жаловался Ахмед Ресми-эфенди, до Дуная дошло всего около 1 тыс. всадников! (Aksan, 1995: 136). Нам такая оценка кажется излишне эмоциональной и заниженной. Она связана с общим желанием автора показать глубину кризиса, охватившего традиционные военные институты Османской империи к 1760-м гг.

Численность бывших с визирем *sipahi* дю Вернуа оценивал в 30 тыс. чел., однако по другим оценкам, к армии прибыли только 20 тыс., а по другим источникам – всего лишь 7–8 тыс. чел. (Новичев, 1963: 222).

Провинциальные беи в 1769 г. должны были выставить 73 250 конных и пеших солдат. Наиболее крупные отряды по 5 тыс. чел. обязались снарядить эялятеты Румелии, Боснии, Анатолии, Карамана, Сиваса, Алеппо, Ракки, Диярбекира, Трабзона и Эрзурума (5,5 тыс. чел.), чуть меньшие – Эдирне (2,5 тыс.) и Мараш (современный Караманмарас, 3 тыс. чел.). Остальные провинции предоставляли отряды численностью менее 1 тыс. чел. П.А. Левашев упоминает, что эти войска «по большей части состояли из пастухов и землепашцев, увешанных по обыкновению разным оружием, которым редкие из них владеть умели, что им и не нужно было, поелику едва и третья их часть доходила до надлежащего места» (Левашев, 1790: 145).

Отряды *левендов* должны были составить в 1769 г. 78,7 тыс. чел. По данным Мустафы Кесби, в этом году на службу были наняты 18 отрядов *мири левенди*, общей численностью 19 740 чел. В списке приведены имена всех командиров: отряд в 5,5 тыс. чел. под командованием Джаникли Али-паши-оглу, Микдад-паши и Баттал-паши, 3 тыс. – Чалык-оглу, 2 тыс. – Караосман-оглу, отряды по 1 тыс. – Чапан-оглу, Рыдван-аги, Адем-аги (оба из Кютахьи), Хаджи-бея из Аданы, Овалы Одыкмаз-оглу из Эрзинджана, Кайсериййели-оглу и Койлухисарлы Хаджи-бея, плюс несколько отрядов поменьше. Еще 25 отрядов левендов (59 тыс. чел.) должны были набрать провинциальные власти. Для некоторых из них указано, что это должны быть стрелки-*тюфенкчи*: по 5 тыс. вели Исбанакчи Мустафа-паша, Коджа Абди-паша; по 3 тыс. – Молдоганы Али-паша, Силахдар Мехмед-паша и Абдулджелил-оглу; по 1,5 тыс. – Хадим Ибрахим-паша и Иваз Паша-оглу Халил-паша. Неизменно в документе отмечается, что в составе отрядов, кроме стрелков, были фанатики-добровольцы *дели*. Арнаутов (албанцев) обязались привести Каплан-паша (1,5 тыс. чел.) и Курд-паша (1 тыс. чел.). Ага-Мехмед-паша должен набрать 5 тыс. добровольцев-янычар, дели и тюфенкчи. В отношении остальных отрядов дополнительной информации не приведено: Заралы-оглу Фейзулла-паша из Сиваса (2,5 тыс. чел.), Ипекли-оглу Мустафа-паша (6 тыс.), Дагистани-Али-паша (4 тыс.), Гюрджю Хасан-паша (3 тыс.), Абди-паша (2,5 тыс.), другой Абди-паша и Ферах-Али-паша (1 тыс.), третий Абди-паша и Черкес-Хасан-паша (1 тыс.), Мюдеррис Осман-паша (2 тыс.), Мухсин-оглу Мехмед-паша (2,1 тыс.), Шахин Али-паша (3 тыс.), Узун Абдуллах-паша (1 тыс.), Кара Халил-паша (1 тыс.) и другие, более мелкие отряды (Kesbi, 2002: 253–255).

Артиллерия армии великого визиря в конце апреля 1769 г., по данным П.А. Левашева, «состояла в 140 пушках большею частью шестифунтовых, а 20 было такой величины, что под каждую впрягали от 30 до 40 буйволов: они называются Балгемесы (*balyemaz*. – В.В.), т.е. немедоядки» (Левашев, 1790: 66). Турецкие источники сообщают о наличии 150 10-фунтовых пушек, 50 тяжелых орудий и таком же числе мортир (Aksan, 2013: 144). Примечательно, что в следующем 1770 г. победители при Кагуле «получили в добычу всю артиллерию в сту сороку хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажом» (Румянцев, 1953: 120). Ресми-эфенди, описывая ошибки, совершенные в походе 1769 г., упоминал о том, что визирь взял с собой 40–50 осадных орудий, которые оказались абсолютно бесполезными в полевой кампании (Ресми-эфенди, 1854: 12). По русским данным, армия сераскира под Хотинном в августе 1769 г. имела 20 орудий большого калибра и 240 небольших пушек, перевозившихся по двое на одном муле (Aksan, 1995: 235). Видимо речь шла о своеобразном аналоге персидских или индо-афганских *замбуреков* – небольших фальконетах, установленных на верблюдах или мулах. Подобные пушки описывал и П.А. Левашев: «Пришло немного африканского войска на двухстах верблюдах, покрытых красными суконными попонами и имевших на себе большую часть по одному человеку с небольшим штуцером, привинченному сверху к седлу таким образом, что во все стороны оный обращать можно» (Левашев, 1790: 67). П.И. Панин о такой артиллерии был невысокого мнения: «Тех, смеха и презрения достойных малых пушечек, коих он возит по две, повешенными на одного верблюда, и из которых иначе не стреляют, как подъехав заставят сию скотин наперед лечь, а сидевший на ней пушкарь, выстрелив из оных, отъезжает, где б их в безопасном месте опять зарядить (и) приехать для другого по неприятелю своего выстрела» (Масловский, 1891: Приложения, 40). Для обслуживания

артиллерии с армией в поход выступило 3400 артиллеристов (*топчу и топ арабаджи*) (Aksan, 1993: 228; Левашов, 1790: 40, 56).

4. Заключение

Таким образом, всего для участия в кампании 1769 г. турецкое правительство планировало собрать не менее 350 тыс. чел.: около 50 тыс. *янычар*, 12 тыс. конницы *капыкулу*, около 30 тыс. *сипахов*, 115 тыс. провинциальных войск (с учетом гарнизонов), 100 тыс. наемных *левендов* (включая набранных в приграничных провинциях) и около 43 тыс. крымских татар и ногайцев. С одной стороны, для похода готовилась гигантская армия, которую должны были сопровождать десятки тысяч нестроевых: возниц, торговцев, слуг и прочих – Ахмед Ресми, пожалуй, не слишком критично оценивал количество лагерной челяди при армии в 1769 г. только в 20–30 тыс. чел. (Aksan, 1995: 137). С другой – все источники (и турецкие, и иностранные) указывают на высокий уровень дезертирства и санитарных потерь (по некоторым оценкам, до 60–70 %), а также невысокую боеспособность большинства набранных войск. К сожалению, отсутствие опубликованных фактических отчетов о состоянии войск не позволяет достоверно оценить их реальную численность. Тем не менее, приведенные нами сведения из записок Мустафы Кесби позволяют значительно уточнить имеющиеся в отечественной историографии сведения о турецкой армии в начале войны 1768–1774 гг. Главное, что следует отметить, – серьезный упадок традиционных постоянных войск *капыкулу* и ополчения *сипахов*, и резко возросшее значение отрядов наемников-*левендов*, набранных на территории Балкан, Анатолии, Кавказа и фактически составивших основу «новой» турецкой армии, противостоявшей российским войскам на полях сражений данной войны (Büyükkakça, 2007: 44; Sadat, 1972: 351).

Литература

Великанов, Нечитайлов, 2010 – Великанов В.С., Нечитайлов М.В. Структура и организация армии Османского государства (1670–1710е гг.) // *Военно-исторический журнал «Воин»*. 2010. № 12. С. 20–32.

Левашев, 1790 – Левашев П.А. Плен и страдания россиян у турков, или обстоятельное описание бедственных приключений, терпимых ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которыми владели их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну и многих странных, редких и любопытных происшествий. СПб.: [Б.и.], 1790. 168 с.

Масловский, 1891 – Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. III. М.: Типография окружного штаба, 1891. Приложения. 287 с.

Мейер, 1991 – Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: черты системного кризиса. М.: Наука, 1991. 261 с.

Неджати-эфенди, 1894 – Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. (пер. с тур. и предисл. В. Смирнова) // *Русская старина*. 1894. Т. 81. № 3. С. 113–134.

Новичев, 1963 – Новичев А.Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII века). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 314 с.

Панин, 1769 – Панин П.И. Наставление от предводителя Второй армии войску ему порученному, каким образом поступать по расположению на зимняя квартиры, к заграждению границ в предохранение ему вверенных, при случае неприятельского приближения и нападения на учрежденные кордоны, как форпостам так линиею, а позадь оной и из войск расположенными, сочиненное им в Польше в лагере при деревне Покатилове 1769 года октября 24 дня. СПб.: Типография сухопутного кадетского корпуса, 1769. 5 с.

Петров, 1866 – Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. 332 с.

Ресми-эфенди, 1854 – Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769–1776) // *Библиотека для чтения*, 1854. Т. 124. С. 3–78.

- Румянцев, 1695** – Румянцев П.А.: Сборники документов (под ред. П.К. Фортунатова). Т. 2. М: Воениздат, 1953. 864 с.
- Сень, 2002** – Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Кубанькино, 2002. 286 с.
- Смирнов, 1881** – Смирнов Д.В. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб.: Университетская типография в Казани, 1881. 362 с.
- Agoston, 2005** – Agoston G. Guns for the Sultan: Military Power and the Weapon Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. 280 p.
- Aksan, 1993** – Aksan V.H. The One-Eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply, and Command in the Russo-Turkish War of 1768–1774 // *International History Review*. 1993. Vol. 15. № 2, pp. 221–238.
- Aksan, 1995** – Aksan V.H. An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden: Brill, 1995, 253 p.
- Aksan, 2002** – Aksan V.H. Manning A Black Sea Garrison in the Eighteenth Century: Ochakov and Concepts of Mutiny and Rebellion in the Ottoman Context // *International Journal of Turkish Studies*. 2002. Vol. 8. № 1/2, p. 63–72.
- Aksan, 2007** – Aksan V.H. Ottoman Wars, 1700–1870: Empire Besieged. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. XX, 599 p.
- Aksan, 2012** – Aksan V.H. Ottoman Military Power in the Eighteenth Century // Warfare in Eastern Europe, 1500–1800. Leiden; Boston: Brill, 2012, pp. 315–347.
- Büyükkakça, 2007** – Büyükkakça M.Ç. Ottoman Army in the Eighteenth Century: War and Military Reform in the Eastern European Context: M.A. Thesis, Middle East Technical University, 2007, 123 p.
- Hammer, 1839** – Hammer J., de. Histoire de l'Empire Ottoman. T. 16. Paris: Bellizard, 1839, 507 p.
- Kesbi, 2002** – Kesbi M. İbretname-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin) / ed. Ahmet Ogreten. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2002, 654 s.
- Levy, 1982** – Levy A. Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteenth Century // *Middle Eastern Studies*. 1982. Vol. 18. № 3, pp. 227–249.
- D'Ohsson, 1824** – D'Ohsson M. Tableau général de l'empire Othoman. T. 7. Paris: Firmin Didot père et fils, 1824. 535 p.
- Porter, 1768** – Porter J. Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. Vol. II. London: Printed for P. Wilson, 1768. 150 p.
- Sadat, 1972** – Sadat D.R. Rumeli Ayanlari: The Eighteenth Century // *Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44. № 3, pp. 346–363.
- Tott, 1785** – Tott F., de. Memoirs of the baron de Tott. Vol. II. Dublin: Printed for L. White, J. Cash and R. Marchbank, 1785, 255 p.
- Vernois, 1785** – Du Vernois A. Essais de géographie, de politique, et d'histoire, sur les possessions de l'empereur des Turcs en Europe. Londres, Paris: Chez Poinçot, 1785, 332 p.
- Ungermann, 1906** – Ungermann R. Der Russisch-türkische Krieg 1768–1774. Wien; Leipzig: Wilhelm Braumüller k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhändler, 1906, 268 s.
- Weissman, 1964** – Weissman N. Les Janissaires: Etude de l'organisation militaire des Ottomans. Paris: Paris Orient, 1964, 118 p.

References

- Velikanov, Nechitailov, 2010** – Velikanov V.S., Nechitailov M.V. (2010). Struktura i organizatsiya armii Osmanskogo gosudarstva (1670–1710e gg.) [The structure and organization of the Ottoman Empire army (1670-1710s)] // *Voенно-istoricheskii zhurnal "Voin"*. № 12, pp. 20–32. [in Russian]
- Levashev, 1790** – Levashev P.A. (1790). Plen i stradaniya rossiyan u turkov, ili obstoyatel'noe opisanie bedstvennykh priklyuchenii, terpimykh imi v Tsar'-grade po ob'yavlenii voyny i pri voiske, za kotorymi vlachili ikh v svoikh pokhodakh; s priobshcheniem dnevnykh zapisok o voinskikh ikh deistviyakh v proshedshuyu voynu i mnogikh strannykh, redkikh i lyubopytnykh proisshestvii [Captive and suffering of Russians in the Turkish, or a detailed description of the disastrous adventures, experienced in the Tsargrad after declaration of war and in the army, for which

dragged them in their campaigns; with the daily notes on their military actions in the last war and many strange, rare and curious incidents]. St. Petersburg: [s.n.], 168 p. [in Russian]

Maslovskii, 1891 – *Maslovskii D.F.* (1891). *Russkaya armiya v Semiletnyuyu voinu* [Russian army in the Seven Years' War]. Is. III. Moscow: Tipografiya okruzhnogo shtaba. Appendices, 287 p. [in Russian]

Meier, 1991 – *Meier M.S.* (1991). *Osmanskaya imperiya v XVIII v.: cherty sistemnogo krizisa* [The Ottoman Empire in the XVIII century: Features of a systemic crisis]. Moscow: Nauka, 261 p. [in Russian]

Nedzhati-efendi, 1894 – *Zapiski Mukhammeda Nedzhati-efendi, turetskogo plennogo v Rossii v 1771–1775 gg.* [Notes of Mohamed Necati-Effendi, Turkish prisoner in Russia in 1771–1775] / Trans. from Turkish and the foreword by V. Smirnov // *Russkaya starina*. 1894. Vol. 81. № 3, pp. 113–134. [in Russian]

Novichev, 1963 – *Novichev A.D.* (1963). *Istoriya Turtsii. T. I. Epokha feodalizma (XI–XVIII veka)* [History of Turkey. Vol. I. The era of feudalism (XI–XVIII centuries)]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1963, 314 p. [in Russian]

Panin, 1769 – *Panin P.I.* (1769). *Nastavlenie ot predvoditelya Vtoroi armii voisku emu poruchennomu, kakim obrazom postupat' po raspolozhenii na zimniya kvartiry, k zagrazhdeniyu granits v predokhranenie emu vverennykh, pri sluchae nepriyatel'skago priblizheniya i napadeniya na uchrezhdennyya kordony, kak forpostam tak linieyu, a pozad' onoi i iz voisk raspolozhennymi, sochinennoe im v Pol'she v lagere pri derevne Pokatilove 1769 goda oktyabrya 24 dnya* [Instructions from the leader of the Second Army to his troops how to do on location to winter quarters, about a barrage of boundaries he ought to protect, on occasion of approach and attack of enemy on the built cordons as outposts as lines and behind it, and of the disposition of troops, composed by him in Poland in the camp at the village Pokatilovo October 24, 1769]. St. Petersburg: Typography of the land cadet corps, 1769, 5 p. [in Russian]

Petrov, 1866 – *Petrov A.* (1866). *Voina Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769–1774 god* [The war between Russia and Turkey and Polish Confederates in 1769–1774]. Vol. 1. St. Petersburg: Typography of E. Veimar, 332 p. [in Russian]

Resmi-efendi, 1854 – *Rasskaz Resmi-efendiya, ottomanskogo ministra inostrannykh del, o semiletnei bor'be Turtsii s Rossiei (1769–1776)* [The story of Resmi Effendi, Ottoman Minister of Foreign Affairs, about a seven-year' struggle of Turkey with Russia (1769–1776)] // *Biblioteka dlya chteniya*, 1854. Vol. 124, pp. 3–78. [in Russian]

Rumyantsev, 1695 – *Rumyantsev P.A.* *Sborniki dokumentov* [Rumyantsev P.A. Collections of documents] (by ed. of P.K. Fortunatov)]. Vol. 2. Moscow: Voenizdat, 1953, 864 p. [in Russian]

Sen', 2002 – *Sen' D.V.* (2002). “Voisko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe”: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.) [“Kuban Caucasus Army of Ignat”: the historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s.)]. Krasnodar: Kuban'kino, 2002, 286 p. [in Russian]

Smirnov, 1881 – *Smirnov D.V.* (1881). *Sbornik nekotorykh vazhnykh izvestii i ofitsial'nykh dokumentov kasatel'no Turtsii, Rossii i Kryma* [Collection of some important news and official documents concerning Turkey, Russia and the Crimea]. St. Petersburg: University typography in Kazan, 362 p. [in Russian]

Agoston, 2005 – *Agoston G.* (2005). *Guns for the Sultan: Military Power and the Weapon Industry in the Ottoman Empire*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 280 p. [in English]

Aksan, 1993 – *Aksan V.H.* *The One-Eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply, and Command in the Russo-Turkish War of 1768–1774* // *International History Review*, 1993. Vol. 15. № 2, pp. 221–238. [in English]

Aksan, 1995 – *Aksan V.H.* *An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783*. Leiden: Brill, 1995, 253 p. [in English]

Aksan, 2002 – *Aksan V.H.* (2002). *Manning A Black Sea Garrison in the Eighteenth Century: Ochakov and Concepts of Mutiny and Rebellion in the Ottoman Context* // *International Journal of Turkish Studies*. Vol. 8. № 1/2, p. 63–72. [in English]

Aksan, 2007 – *Aksan V.H.* (2007). *Ottoman Wars, 1700–1870: Empire Besieged*. Harlow: Pearson Education Limited. XX, 599 p. [in English]

Aksan, 2012 – *Aksan V.H.* (2012). *Ottoman Military Power in the Eighteenth Century* // *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800*. Leiden; Boston: Brill, pp. 315–347. [in English]

- [Büyükkakça, 2007](#) – *Büyükkakça M.Ç.* (2007). Ottoman Army in the Eighteenth Century: War and Military Reform in the Eastern European Context: M.A. Thesis, Middle East Technical University, 123 p. [in English]
- [Hammer, 1839](#) – *Hammer J.*, de (1839). Histoire de l'Empire Ottoman [History of the Ottoman Empire]. Vol. 16. Paris: Bellizard, 507 p. [in French]
- [Kesbi, 2002](#) – *Kesbi M.* (2002). İbretnuma-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin) [State of İbretnuma (Analysis and Critical Text)]. Ed. Ahmet Oğreten. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 654 p. [in Turkish]
- [Levy, 1982](#) – *Levy A.* (1982). Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteenth Century // *Middle Eastern Studies*. Vol. 18. № 3, pp. 227–249. [in English]
- [D'Ohsson, 1824](#) – *D'Ohsson M.* (1824). Tableau général de l'empire Othoman [General table of the Othoman Empire]. Vol. 7. Paris: Firmin Didot père et fils, 1824, 535 p. [in French]
- [Porter, 1768](#) – *Porter J.* (1768). Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. Vol. II. London: Printed for P. Wilson, 150 p. [in English]
- [Sadat, 1972](#) – *Sadat D.R.* (1972). Rumeli Ayanları: The Eighteenth Century // *Journal of Modern History*. Vol. 44. № 3, pp. 346–363 [in English]
- [Tott, 1785](#) – *Tott F.*, de (1785). Memoirs of the baron de Tott. Vol. II. Dublin: Printed for L. White, J. Cash and R. Marchbank. 255 p. [in English]
- [Vernois, 1785](#) – *Du Vernois A.* (1785). Essais de géographie, de politique, et d'histoire, sur les possessions de l'empereur des Turcs en Europe [Essays of Geography, Politics, and History, on the Possessions of the Emperor of the Turks in Europe]. Londres, Paris: Chez Poinçot, 332 p. [in French]
- [Ungermann, 1906](#) – *Ungermann R.* (1906). Der Russisch-türkische Krieg 1768–1774 [The Russian-Turkish War 1768-1774]. Wien; Leipzig: Wilhelm Braumüller k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhändler, 268 p. [in German]
- [Weissman, 1964](#) – *Weissman N.* (1964). Les Janissaires: Etude de l'organisation militaire des Ottomans [The Janissaries: Study of the military organization of the Ottomans]. Paris: Paris Orient, 1964, 118 p. [in French]

Организация и численность османской армии в начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Владимир Сергеевич Великанов ^а.*

^а «Фонд «Русские витязи», Российская Федерация

Аннотация: Большинство источников, посвященных войне 1768–1774 гг., описывая турецкую армию, ограничиваются упоминанием ее многочисленности, не приводя никаких дополнительных сведений о ее составе. В данной статье на основе обширного перечня отечественных, турецких и европейских источников впервые в отечественной историографии детально рассмотрены вопросы организации и численности османской армии на начальном этапе войны с Россией в 1768–1769 гг. В статье подробно описывается упадок «классических» турецких военно-служилых корпораций (янычары, сипахи и др.), и рост роли и численности временных наемных формирований.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1768–1774 гг., турецкая армия, османская армия.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: vladvelikanov@inbox.ru (В.С. Великанов)